

© С. В. БЕРЕЗКИНА

ДЕЛО ОБ ЭЛЕГИИ ПУШКИНА «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ» И ЕГО СУДЕБНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Дело, которое было вызвано распространением запрещенных стихов из элегии Пушкина «Андрей Шенье», представляет собой самое крупное из ряда судебно-следственных дел о его «вольнодумственных» стихах, хранящихся в российских архивах.¹ В орбиту этого дела оказалось вовлечено большое количество инстанций — III Отделение, канцелярия начальника Главного штаба, комиссия военного суда л.-гв. Конно-егерского полка, Аудиториатский департамент при канцелярии дежурного генерала, вновь военно-судная комиссия, канцелярия московского обер-полицмейстера, канцелярия псковского гражданского губернатора, вновь Аудиториатский департамент, канцелярия петербургского обер-полицмейстера, Правительствующий Сенат, канцелярия Министерства юстиции, Новгородский уездный суд, Новгородская уголовная палата, канцелярия новгородского гражданского губернатора, Пятый департамент Правительствующего Сената, Государственный совет (один из его департаментов и затем Общее собрание), канцелярия государственного секретаря, наконец, вновь Сенат. При этом не менее чем четырежды, как этого и требовал порядок, материалы дела подавались императору для конфирмации (т. е. для просмотра и одобрения результатов дела на каком-то из его этапов), после чего они следовали далее по установленному российскими законами пути. Поскольку инстанций было много, документы дела оседали во многих архивах. По различным судопроизводствам и архивам они публиковались М. М. Поповым,²

¹ См.: *Шабанов В. М.* Документы, связанные с семьей и окружением А. С. Пушкина, в фондах Российского государственного военно-исторического архива // Пушкинские материалы в архивах России. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. М., 1909. С. 53—54.

² [*Попов М. М.*] Александр Сергеевич Пушкин // *Русская старина*. 1874. № 8. С. 691—694. Статья имела характер сенсационный, поскольку в ней излагалось содержание всего дела о Пушкине № 62 Первой экспедиции за 1826 год из архива III Отделения собственной е. и. в. канцелярии. Статья была напечатана анонимно и лишь в последующих журнальных публикациях появилась ссылка на авторство М. М. Попова (1800—1871), чиновника III Отделения. Публикации сведений из дел этого ведомства находились под особым контролем, и авторы (или издатели) обязывались предоставлять гранки статей в Департамент полиции. Поскольку в «Русской старине» не было ни ссылки на источник сведений, ни имени автора (дабы знающие Попова люди не соотнесли сообщаемое с его службой!), статья сумела «проскочить» цензуру. В ее преамбуле говорилось, что статья о Пушкине была доставлена в редакцию П. А. Мухановым (по-видимому, им же был передан в журнал и весь архив Попова, который хранится ныне в ИРЛИ в архиве «Русской старины»); на протяжении всей своей истории журнал черпал из него все новые и новые интересные публикации). Н. П. Барсуков обрушился на «Русскую старину» с критикой за статью Попова о Пушкине (см.: *Барсуков Н. П.* Заметки и поправки по поводу новых сведений о жизни Пушкина // *Русский архив*. 1874. № 2. С. 1088—1094). Барсуков здесь впервые выступил в роли спасателя официозной биографии Пушкина, причем сделал это не без присущего его манере блеска. Второй подобного рода журнально-публицистический опыт Барсукова был связан с «Гаврилиадой», которую он пытался отвести от Пушкина (см.: *Старина и новизна*. СПб., 1902. Кн. 5. С. 3 (прим. к публикации «Письма А. С. Пушкина, бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к кн. Вяземскому»); *Барсуков Н. П.* По поводу заметки В. Я. Брюсова «О ране совести Пушкина» // *Русский вестник*. 1903. № 7. С. 268—270).

Л. Н. Майковым,³ М. И. Семевским,⁴ И. И. Василевым,⁵ П. А. Ефремовым,⁶ С. С. Сухониним,⁷ П. Е. Щеголевым,⁸ А. Г. Слезкинским,⁹ В. В. Даниловым,¹⁰ Н. Я. Эйдельманом.¹¹ На первом этапе документы дела буквально «продирались» в печать сквозь цензурные преграды. В публикациях Сухонина и Щеголева, появившихся после первой русской революции в более благоприятных условиях, было обнаружено большое количество архивных документов, что позволило в деталях представить этапы развития дела об «Андрее Шенье». Самой полной из всех этих публикаций была и остается статья Щеголева. До сих пор при суждениях об этом деле оперируют материалами и сведениями, заимствованными из этой обстоятельной и подробной статьи. Настоящая работа представляет собой обзор дела об «Андрее Шенье» с привлечением некоторых новых данных, почерпнутых, во-первых, из архивов, а во-вторых, из публикаций, новейших или же затерявшихся в научной прессе и редко упоминаемых в пушкиноведении. В статье будет сделан акцент на тех сторонах дела, которые не были прокомментированы должным образом при публикации связанных с ним документов. Чтобы не усложнять восприятие трудной по материалу статьи, мы решили не загромождать изложение дела

Обладея огромным опытом работы в российских архивах и зная о том, какие богатства в них скрываются, Барсуков тем не менее постарался очернить в глазах читателя публикацию «Русской старины», хотя не мог не понимать, какой прорыв сделал М. И. Семевский, обозначив в ней настоящую архивную «пелину» в области изучения биографии Пушкина.

³ Пушкин в изображении М. А. Корфа / Публ. Л. Н. Майкова // Русская старина. 1899. № 8. С. 309—310 (первое сообщение в печати о ходе рассмотрения дела в Правительствующем Сенате).

⁴ К делу о доносе на А. С. Пушкина // Русская старина. 1883. № 6. С. 690—692. Статья вышла без подписи, но, вероятнее всего, ее автором был Семевский. В 1875 году М. И. Семевский первым был допущен к делам III Отделения о Пушкине и ему разрешено было сделать из них выписки (см.: *Сидорова М. В.* 1) Использование документов архивов органов политического сыска в середине XIX—начале XX в. // Советские архивы. 1991. № 6. С. 20—26; 2) Пушкинские материалы в архивах органов политического сыска Российской империи // Пушкинские материалы в архивах России. С. 95). Работ о Пушкине по этим выпискам под своей фамилией Семевский так и не выпустил. В 1879—1880 годах в «Русской старине» была напечатана статья П. П. Каратыгина «Александр Сергеевич Пушкин: Его дружба, любовь и ненависть (1799—1837)», писавшаяся при активном участии П. А. Ефремова. Материалы, которым литературную обработку дал Каратыгин, были предоставлены ему Ефремовым, но вот восполненные, по сравнению со статьей Попова, тексты переписки Пушкина — Бенкендорфа из архива III Отделения (Попов большинство из них просто пересказал) мог передать Каратыгину только Семевский.

⁵ *Василев И. И.* Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии. СПб., 1899. С. 32—34.

⁶ *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 7. С. 259—261, 276—277, 298—300. О работе Ефремова в архиве III Отделения см.: *Сидорова М. В.* Пушкинские материалы в архивах органов политического сыска Российской империи. С. 95. Архивные разыскания Ефремова увенчались публикацией новых текстов (показаний) Пушкина, а также архивных документов о нем. И хотя П. Е. Щеголев утверждал потом, что эти материалы были предоставлены Ефремову им (см.: *Щеголев П. Е.* Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. (Из архивных разысканий) // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11. С. 45), есть основания считать, что Ефремов добыл их сам.

⁷ Дела III Отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине. СПб., 1906. С. 15—17 и др. См. также: *Лемке М. Н.* Николаевские жандармы и литература 1826—1835 гг. По подлинным делам III Отделения е. и. в. канцелярии. СПб., 1908. С. 474—480.

⁸ *Щеголев П. Е.* Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 1—44; перепечатано: *Щеголев П. Е.* Пушкин: Исследования, статьи и материалы. Т. 2: Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 99—122 (далее статья Щеголева цитируется по этому изданию).

⁹ *Слезкинский А. Г.* Преступный отрывок элегии «Андрей Шенье» (Из судебного процесса А. С. Пушкина, А. Леопольдова, Коноплева и др.) // Русская старина. 1899. № 8. С. 313—326.

¹⁰ *Данилов В. В.* Документальные материалы об А. С. Пушкине // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1956. Вып. 6. С. 79—80.

¹¹ *Эйдельман Н. Я.* 1) Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 327—335; 2) Пушкин: Из биографии и творчества. М., 1987. С. 37—41.

бесконечными указаниями на те приоритетные позиции в публикации и комментарий архивных документов, которые принадлежат Слезскинскому, Щеголеву и другим названным выше авторам. О приоритетах автора настоящей статьи в прояснении обстоятельств дела можно судить по сноскам, в которых указываются не публикации, а архивные дела.¹² Как оказалось, не проясненными до настоящего времени оставались документы, во-первых, ревизии дела Леопольдова в Новгородской уголовной палате, а во-вторых, дел из Пятого департамента Сената и отчасти Государственного совета. Очень своевременным был бы и пересмотр публикации материалов военно-судного дела Алексева, осуществленной Щеголевым, однако доступ к этим хранящимся в РГВИА документам затруднен.

Элегия была написана Пушкиным в феврале—июне 1825 года и отправлена из Михайловского в Петербург для публикации в его первом поэтическом сборнике. «Стихотворения Александра Пушкина» получили разрешение к печати 8 октября 1825 года и вышли в свет в преддверии 1826 года, при этом элегия попала под нож цензуры и из нее были вырезаны стихи 21—64 с изображением событий Великой Французской революции. Именно этот отрывок и начал затем распространяться в списках. Дело о крамольных стихах завязалось летом 1826 года на московской даче генеральши Вадковской. Покойный муж Е. П. Вадковской был братом декабристов Вадковских — Александра Федоровича, приговоренного за причастность к делу 14 декабря к четырехмесячному пребыванию в крепости, и Федора Федоровича, осужденного по первому разряду навечно в каторжную работу (любопытно, что впервые Федор Вадковский был наказан по службе еще в 1822 году, причем за сатирические стихи). Эта линия не была единственной из связывающих дом генеральши Вадковской с прикосновенными к делу 14 декабря: здесь же жил ее родной племянник Лев Александрович Молчанов, который был братом Дмитрия Молчанова, в июле 1826 года выпущенного из крепости с «очистительным аттестатом». Д. А. Молчанов был однополчанином и преданным другом братьев Вадковских.¹³ Известно, с каким вниманием III Отделение относилось к тем, кто сумел оправдаться после привлечения к следствию над декабристами. Не исключено, что дело о запрещенных стихах Пушкина из элегии «Андрей Шенье» получило ход и приобрело такие масштабы именно из-за декабристских связей дома генеральши Вадковской.

Учителем детей Вадковской был живший в ее доме А. Ф. Леопольдов. В 1826 году он закончил Московский университет со званием кандидата и поступил на службу надзирателем Московского университетского благородного пансиона. Именно к Леопольдову в конце июля 1826 года был подослан агент генерал-майора И. Н. Скобелева В. Г. Коноплев, сумевший получить от него список запрещенных стихов. Именно Леопольдов, по его признанию, приписал к стихам заголовок «На 14-е декабря», что сделало их и злободневными и остро политическими. Неудивительно, что в доме генеральши Вадковской, наполненном переживаниями о судьбе близких ей людей, с большой заинтересованностью отнеслись к гневно обличительным, ярким стихам Пушкина якобы «На 14-е декабря». В таком виде список и был представлен тайному агенту военной полиции Коноплеву ничего не подозревавшему Леопольдовым. III Отделение, получив первоначальную информацию от Скобелева, провело в августе—сентябре 1826 года предварительное рас-

¹² Архивный поиск и копирование документов в Российском государственном историческом архиве осуществлен И. В. Васильевой.

¹³ См.: Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. СПб., 2004. С. 237.

следование, в ходе которого выяснились следующие факты. В феврале 1826 года в Новгороде прапорщик л.-гв. Конно-пионерного эскадрона Л. А. Молчанов получил список стихов от штабс-капитана л.-гв. Конно-егерского полка А. И. Алексеева. Летом 1826 года Молчанов был прикомандирован ко 2-му сводному легкому кавалерийскому полку Гвардейского отряда, сформированному для охраны коронационных торжеств в Москве; так Молчанов (себе на беду) оказался в доме своей тетушки Вадковской. О том, что именно он привез в Москву запрещенные стихи и затем дал их переписать Леопольдову, тайная полиция узнала от последнего; Молчанов в свою очередь назвал Алексеева, после чего уже стало окончательно ясно, что речь идет о военном преступлении, поскольку основные фигуранты в деле были офицерами. Алексеев был арестован в Новгороде 15 сентября 1826 года. Под арест был взят и Молчанов, к тому времени уже переведенный из гвардии в Нижегородский драгунский полк. Так в 1826 году братья Молчановы сменили один другого в застенках: в июле освобождается из крепости Дмитрий, а уже в сентябре становится арестантом его брат Лев. Из офицеров л.-гв. Конно-егерского полка, находившихся в Москве в составе сводного Гвардейского отряда, была сформирована комиссия военного суда над Алексеевым. В комиссию входило восемь человек (не считая делопроизводителя) — от прапорщика до полковника.¹⁴ 25 сентября 1826 года Николай I отдал приказ предать военному суду Алексеева за то, что он в тайне от начальства хранил бумаги, «кои по содержанию своему» соответствовали «смыслу» деяний «злодеев» 14 декабря 1825 года.¹⁵ Суд было приказано закончить в три дня. Так и сделали: суд начался 26 сентября, а 29 сентября полковая комиссия приговорила Алексеева к смертной казни.

В деле об «Андрее Шенье» поражает одна особенность. Оно дважды проходило процессуальные цепочки — по военному ведомству, когда судили офицеров, и по Министерству юстиции, когда судили гражданских лиц. В обоих случаях дело поэтапно поднималось к своей вершине от низших судебных инстанций (по одному ведомству это была полковая военно-судная комиссия, по другому — Новгородский уездный суд). И каждый раз низшие судебные инстанции демонстрировали предельную тупость и жестокость. Может быть, эти инстанции составляла какая-то непросвещенная, необразованная масса российского дворянства? По-видимому, нет. Среди членов полковой комиссии был, например, дальний родственник (через П. А. Осипову, в первом браке Вульф, сестра которой была замужем за дядькой поэта со стороны матери), а впоследствии и знакомый Пушкина Петр Иванович Вульф, сын И. И. Вульфа, владельца имения Берново; 25 января 1828 года он был одним из поручителей на венчании О. С. Пушкиной и Н. И. Павлицева.¹⁶ Брату последнего П. И. Павлицеву (Пушкин был с ним знаком) также пришлось побывать в роли полкового судьи по делу Алексеева. Приговоры военно-судной комиссии и уездного суда были, с современной точки зрения, невероятно жестоки. При этом низшие судебные инстанции выказывали и вопиющие недостатки судебно-следственного дознания. А впрочем, были ли им нужны какие-либо юридические тонкости? Конечно, нет, поскольку приговор был предрешен: Воинский артикул 1714 года Петра I, по которому продолжала жить российская армия (естественно, к нему со временем добавились и иные установления), за провинности чаще всего предписывал «весьма лишить живота» — петровский артикул читался перед строем в военных училищах постоянно, параграф за параграфом, и офи-

¹⁴ Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 102.

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ Ульяновский А. И. Няня Пушкина. М.; Л., 1940. С. 113.

церы выходили в армию, зная назубок страшную формулу.¹⁷ Законов, которые могли бы за проступок, касавшийся политических устоев самодержавной России, карать не смертной казнью и не пожизненной каторгой, а каким-либо иным наказанием, не существовало! Низшим судебным инстанциям не предоставлялось право быть милосердными или разумными при соотнесении вины (переписывание стихов) и кары за нее (смерть). Милосердными и разумными могли быть только вышестоящие инстанции. Поэтому при продвижении дела об «Андрее Шенье» вверх по иерархической лестнице в его документах начинают все более и более проявляться проблески здравого смысла и милосердия. Это не значит, что дело постепенно входило в орбиту людей образованных, просвещенных, разумных. Нет, просто прерогатива милосердия и целесообразного приложения законов Российской империи находилась в руках только высшего начальства. Нижестоящие были этого лишены.

Остановимся на моменте, когда комиссией военного суда Конно-егерского полка был вынесен Алексееву смертный приговор. Нам ничего неизвестно о том, как отнесся к этому Пушкин. В дни, когда шел суд, поэт вел свою обычную рассеянную жизнь: мы знаем, что в это время он посетил С. П. Жихарева, побывал на опере в Большом театре, прочитал «Бориса Годунова» на вечере в доме Вяземских... Не знать о суде над Алексеевым Пушкин не мог, потому что об этом говорил весь город. Во время суда Алексей содержался в Москве под арестом. Он был из московской семьи генерала И. И. Алексеева и приходился родным племянником Ф. Ф. Вигелю. 30 сентября 1826 года А. Я. Булгаков писал брату: «Все утверждают, что стихи Пушкина, однако надобно же это доказать и его изобличить». 1 октября он писал об этом уже с полной уверенностью: «Стихи точно Пушкина; он не только сознался, но и прибавил, что они давно напечатаны в стихотворениях. Тут речь о Французской революции, только многое кем-то украшено, с разными прибавлениями и поставлено заглавие: 14 Декабря. Кто этот труд взял на себя, неизвестно, а доискиваются»; здесь же приведен отзыв Бенкендорфа о крамольных стихах: они «так мерзки, что вы, верно, выдали бы своего сына, ежели бы знали, что он сочинитель».¹⁸ Отвечая брату, К. Я. Булгаков писал о Пушкине: «Мог бы свой талант употребить на хорошее и стихами своими не вводить других в беду».¹⁹ В примечании к письму А. Я. Булгакова от 1 октября П. И. Бартенев сделал предположение, что к этому моменту Пушкина уже «приглашали к Бенкендорфу» по поводу стихов из «Андрея Шенье» и поэт дал о них объяснения.²⁰ Между тем еще до приезда Пушкина в Москву тайная полиция знала, что стихи с приписанным к ним заголовком «На 14 декабря» были пушкинскими. Высказывалось мнение, что 8 сентября во время аудиенции в Кремле Пушкину был задан Николаем I вопрос о стихах «На 14 декабря» и автор дал на него исчерпывающий ответ. Ф. Ф. Вигель в своих «Воспоминаниях» (напеч. 1863—1865) писал, что эти стихи были причиной вызова Пушкина в Москву из Михайловской ссылки (о проведенном тайной полицией в Псковской губернии в июле 1826 года разведывании в связи с возможным освобождением поэта

¹⁷ Примеры из воспоминаний бывших кадетов см.: *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 325—326. В петровском уставе слово «весьма» употреблено в значении, ныне устарелом, «совсем, совершенно» (см.: *Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 1991. Т. 2. С. 154; Словарь русского языка XVIII в. Л., 1987. Вып. 3. С. 76).*

¹⁸ Из писем А. Я. Булгакова к его брату // *Русский архив.* 1901. Кн. 2. С. 402, 403.

¹⁹ Там же. 1903. Кн. 2. № 7. С. 440.

²⁰ Там же. 1901. Кн. 2. С. 403; см. также: *Брюсов В. Я.* Сношения Пушкина с правительством // Там же. 1906. Кн. 2. С. 327.

Вигель ничего не знал, поэтому его суждение носит односторонний характер). П. Е. Щеголев полагал, что, не будь объяснения Пушкина с императором 8 сентября 1826 года, поэт не был бы оставлен в стороне от суда над А. И. Алексеевым в сентябре 1826 года.²¹

С императором ли, Бенкендорфом или с кем иным объяснялся Пушкин по поводу «Андрея Шень», неизвестно, но факт остается фактом: военно-судная комиссия, вынося смертный приговор Алексееву по делу о запрещенных стихах из «Андрея Шень», не привлекла поэта и ни о чем его не спросила. На Пушкина предполагаемая казнь за его же стихи не могла не подействовать, и вот в ноябре 1826 года, когда поэт вновь находился в Михайловском, на страницах его рабочей тетради появляются рисунки с виселицами и телами пяти декабристов; под одним из них он сделал запись «[И я бы мог как шут ви(сеть) (?)...]». Действительно, если за переписывание его стихов приговаривают к смертной казни офицера, то что может ожидать самого поэта, когда власть обратит к нему свои взоры? Мысль была очень современной, поскольку в Петербурге уже иными глазами глядели на дело об «Андрее Шень». Московское воодушевление вокруг фигуры прощенного и, как думали, приближенного к царю поэта померкло после того, как военно-судное дело Алексеева было передано шефом Гвардейского корпуса вел. кн. Михаилом Павловичем для доклада Николаю I. Дежурный генерал А. Н. Потапов, однако, не пропустил его, и 20 октября 1826 года он затребовал мнение Аудиториатского департамента Главного штаба о деле Алексеева. Генерал-аудиторы обратили внимание на отсутствие в нем разъяснений Пушкина, и дело было возвращено в ту же полковую комиссию военного суда. К нему предписывалось привлечь и показания Леопольдова с Коноплевым.

Нельзя не признать, что мнение генерал-аудиторов было достаточно разумным: было бы странно «казнить смертью» переписчика стихов, не допросив предварительно их автора. 25 октября 1826 года решение генерал-аудиториата было подтверждено Николаем I, который приказал продолжить расследование «в той же судной Комиссии».²² Щеголев полагал, что документ, предписывавший привлечение к судебному разбирательству прощенного за полтора месяца до этого Пушкина, был подтвержден только из-за негативного отношения к поэту императора.²³ Между тем возвращение в военно-судную комиссию дела о стихах Пушкина может свидетельствовать и о другом — о том, что гипотетического разговора с ним Николая I по поводу отрывка из элегии «Андрей Шень» все-таки не было. Поскольку офицеры л.-гв. Конно-егерского полка по окончании коронационных торжеств вернулись к месту своей дислокации, деятельность комиссии военного суда была перенесена из Москвы в Новгород. Она возобновилась 12 января 1827 года.²⁴ К этому времени в Новгород уже были привезены и оставлены под арестом А. И. Алексеев, Л. А. Молчанов и А. Ф. Леопольдов. На допросах 12 января 1827 года их спрашивали о том, знакомы ли они с «сочинителем А. Пушкиным» и где именно он проживает; знакомство с поэтом подсудимые отрицали.²⁵

Началась переписка полковой комиссии военного суда с московским обер-полицмейстером. В результате Пушкину дважды в январе 1827 года

²¹ Щеголев П. Е. Пушкин и Николай I. 1. Первая встреча в 1826 году // Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. С. 91; см. также: Эйдельман Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества. С. 37—41.

²² Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 107.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. С. 108.

²⁵ Там же. С. 108—109.

пришлось давать письменные ответы на вопросы новгородской комиссии. 19 января он ответил комиссии, что не знает, о каких «известных стихах» его спрашивают и попросил ознакомить с ними.²⁶ Позиция поэта понятна: еще 29 сентября 1826 года П. А. Вяземский в одном из своих писем сообщал, что дело вокруг стихов из «Андрея Шенье» разгорелось потому, что они были кем-то «подогреты».²⁷ Та же московская молва отразилась в переписке Булгаковых (см. выше), видимо, так же думал и Пушкин. 27 января поэт получил в запечатанном конверте список Леопольдова и в присутствии обер-полицейстера с ним ознакомился. При этом он начал его править, но до конца правку не довел.²⁸ Почему? Комментаторы полагают, что Пушкин правил текст машинально. Думаем, здесь была иная подоплека. Вероятно, с самого начала у Пушкина было намерение показать, что стихи сильно изменены переписчиком и по сути дела ему уже не принадлежат. Потом он увидел, что это целиком его стихи, и бросил вносить мелкие поправки, которые не могли помочь ему отказаться от них. Показания от 27 января 1826 года — это авторский комментарий к стихам 21—64 элегии «Андрей Шенье». Вполне возможно, что он писался на основе несохранившегося вопросного листа, который был адресован Пушкину военно-судной комиссией. Ответы Пушкина на вопросные пункты полковой комиссией о смысле отдельных строк отрывка были обдуманно и в высшей степени удачны.²⁹ 27 января 1827 года он перед лицом своих судей не допустил ни единого промаха — не то, что в июньских показаниях за тот же год, когда поэт позволил себе возмущенную реплику, за которую и уцепились потом судебные инстанции (об этом мы еще скажем ниже).

В показаниях 27 января остановимся на двух пунктах. Вот суждение поэта об опальном отрывке в целом: «Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря». Между тем Пушкин сразу же после создания своих стихов заметил их ассоциативную связь с событиями конца 1825 года. В первой половине двадцатых годов XIX века тема поэтических пророчеств была в большой моде, и Пушкин не без оснований связал ее с «Андреем Шенье» сразу же после смерти Александра I, подразумевая, по-видимому, то, что говорит его герой о Робеспьере, обречшем страдальца на казнь (см. ст. 166—167: «И час придет... и он уж недалек: / Падешь, тиран!..»). 4—6 декабря 1825 года он писал П. А. Плетневу: «Душа! я пророк, ей-Богу пророк! Я Андрея Ш(енье) велю напечатать церковными буквами во имя от(ца) и сы(на) etc».³⁰ Тот же аллюзионный план подразумевался Пушкиным в письме к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 года: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди о нем как езuit — по намерению».³¹ Собы-

²⁶ Рукоя Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Коммент. М. А. Цявловского, Л. В. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 744; факсимильное воспроизведение: Лит. наследство. 1934. Т. 16—18. С. 693. Более ранние публикации показаний Пушкина делались по пересказу документа в делах различных производств.

²⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 10. С. 266; Архив братьев Тургеневых. СПб., 1921. Вып. 6. С. 42.

²⁸ Копия Леопольдова хранится ныне в ИРЛИ (Ф. 244. Оп. 1. № 88); исправления Пушкина в копии впервые напечатаны в изд.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 598—599. Авторизованная копия Леопольдова и запись отдельных стихов в показании Пушкина от 27 января 1827 года — ценный источник для восполнения несохранившейся в белом виде и не печатавшейся при жизни поэта части «Андрея Шенье».

²⁹ Рукоя Пушкина. С. 745—746. Впервые: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. Т. 8. С. 599—600; более ранние публикации показаний делались по иным судебно-производственным делам (см., например, их пересказ в статье А. Г. Слезкинского «Преступный отрывок элегии „Андрей Шенье“...», с. 317).

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 12. С. 249.

³¹ Там же. Т. 13. С. 188.

тия 1826 года обнаружили, сколь суровый ответ готовила власть «либералистам», и это не могло не сказаться на понижении в литературе интереса к аллюзионно-пророческой тематике. Как в зеркале, это отразилось в истории стихотворения «Пророк» (1826—1827), которое писалось Пушкиным под впечатлением казни декабристов, но обрело иное звучание при доработке стихотворения и помещении его в печать. Подобную метаморфозу ставил в упрек Пушкину Адам Мицкевич, который слышал от поэта об истории «Пророка» и первым из мемуаристов обнародовал эти сведения в курсе лекций по славянской литературе 1840—1844 годов в Collège de France (напечатано во Франции отдельным изданием в 1848—1849 годах, до этого лекции были известны по стенограммам во французских газетах). Мицкевич полагал, что автор «Пророка» на высоте приведшего к его созданию чувства удержаться не сумел: «...у него не хватило духа устроить свою домашнюю жизнь и свои литературные труды в соответствии с этими высокими идеями».³² Уверения в отсутствии аллюзивно-пророческого подтекста «Андрея Шенье» и история «Пророка» — это отражение одних и тех же трагических коллизий в жизни русского поэта.

Комиссия военного суда при пересмотре дела догадалась поинтересоваться тем, кому Пушкин передал отрывок из «Андрея Шенье» после того, как он был запрещен к печати. На это Пушкин ответил в показаниях 27 января 1827 года: «Не помню, кому мог я передать мою Элегию А. Шенье». Между тем на пути к выходу из печати элегия побывала в руках П. А. Плетнева, Л. С. Пушкина, В. А. Жуковского и других друзей поэта, которые имели отношение к подготовке «Стихотворений» 1826 года. Кроме того, вырезанные из произведения стихи переписала тригорская приятельница Пушкина А. Н. Вульф, сделав под текстом помету «14 декабря 1825» (это единственный из сохранившихся списков отрывка, который вышел непосредственно из окружения Пушкина).³³ Высказывалось предположение о том, что копия Анны Вульф восходит к Пушкину (вероятнее всего, так и было) и что Вульф была связана с кем-то из тех, от которых запрещенные стихи могли попасть к Алексею.³⁴ Человек, передавший список стихов Алексею, остался сокрыт от следствия благодаря героической стойкости арестованного. Алексей настаивал, что забыл того, причем стоял на своем, буквально обливаясь слезами, перед лицом увещевавших его родных и даже перед угрозой отцовского проклятия. В забывчивость Алексея не верили ни следователи, ни современники. Комиссия л.-гв. Конно-егерского полка сочла это заpiresательством, отягощающим вину преступника.

После получения в Новгороде показаний Пушкина от 27 января 1827 года военно-судная комиссия решила, что дело можно заканчивать. Сентенция комиссии подводила итог ее работе за период с 12 января 1827 года и объявляла Алексею все тот же приговор — смертную казнь. В феврале — первой половине марта 1827 года сентенцию комиссии рассматривал генерал-аудиториат сначала Военного министерства, а затем Главного штаба. 18 марта доклад о деле Алексея был подан на высочайшую конфирмацию и одобрен Николаем I, который начертал на нем: «быть по мнению Аудиторского департамента».³⁵ Мнения, высказанные гене-

³² Mickiewicz A. Les slaves: Cours professé au Collège de France, par Adam Mickiewicz (1842—1843), et publié d'après les notes stenographiées. Paris, 1849. Т. 4. Р. 39—40.

³³ Указано на копию в изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2. С. 1163. О датировке списка см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. [Т. 1]: 1799—1826. С. 599, 685.

³⁴ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. С. 334—335.

³⁵ Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 122.

рал-аудиторами о наказаниях виновных в распространении стихов Пушкина, были несравненно более гуманны, нежели приговор Алексею полковой военно-судной комиссии. Наказание Алексею определялось с учетом уже приведенного им под арестом времени одним месяцем заключения в Шлиссельбургской крепости и переводом в армейский полк тем же чином (а ведь однополчане приговорили его к смертной казни!). Молчанову было зачтено в наказание содержание под арестом во время следствия и перевод в армейский полк.³⁶

Особую роль в принятии решения об авторе «Андрея Шенье» сыграл генерал-адъютант Н. И. Депрерадович. Выражая свое мнение о деле Алексева, он посчитал нужным «истребовать от Пушкина ту элегию, сличить с означенными стихами и по решительном открытии, что точно так напечатаны, как здесь излагаются, за передачу оных из рук в руки, определить и ему взыскание».³⁷ Именно это предложение впоследствии стало причиной нового обращения к Пушкину для дачи показаний по делу об «Андрее Шенье». Полное согласие с Депрерадовичем выразил вел. кн. Михаил Павлович, а вслед за ним и весь генерал-аудиториат. Требование «взыскания» не только Алексеву, Молчанову, Леопольдову, но и Пушкину определило ход дальнейшего рассмотрения дела об «Андрее Шенье». Депрерадовичем было высказано и предложение до выяснения всех обстоятельств дела «иметь его, Пушкина, в строгом наблюдении местного начальства». Об этом Новгородский уездный суд посчитал нужным известить московского обер-полицмейстера Д. И. Шульгина в донесении от 17 мая 1827 года (этот факт не отмечен в биографии Пушкина): «Определено: с прописанием выше описанного по секрету отнестись к Вам Господину обер-полицмейстеру и просить {...} над самим же Пушкиным буде не имеется особого предписания иметь впредь до решения в силу заключения командира 1-го резервного кавалерийского корпуса Генерала Адъютанта Деплерадовича *<sic!>* присмотр».³⁸ Шульгин предписал полицмейстерам Москвы исполнить определение Новгородского уездного суда. А. Д. Ровинский рапортовал ему 3 июня 1827 года: «Коллежский Секретарь Александр Пушкин выехал из Москвы в С. Петербург 19 мая и когда возвратится не известно».³⁹ Дальнейшие следственные действия были перенесены в Петербург, где Пушкин дал новые показания по делу об элегии «Андрей Шенье». Переписка московского обер-полицмейстера с петербургским по этому поводу не известна.

После того как Николай I одобрил доклад генерал-аудиториата Военного министерства, дело об элегии «Андрей Шенье» направилось в гражданское ведомство. Главный штаб передал доклад Аудиториатского департамента министру юстиции кн. Д. И. Лобанову-Ростовскому. Министр сооб-

³⁶ В дальнейшем Молчанов служил в Арзамасском конно-егерском полку. В 1830 году он обратился с высочайшим прошением о присвоении ему чина капитана и дозволения носить в отставке военный мундир. Получив положительный ответ, Молчанов обратился с новой просьбой, адресовав ее в III Отделение: изменить формулировку указа о его отставке, в котором упоминалось о нахождении «под судом за содержание у себя противу долга и присяги {...} в тайне от начальства и сообщении другим таких бумаг, кои по содержанию своему, в особенности после происшествия 14-го Декабря 1825 года совершенно по смыслу злоумышленников, покусившихся на разрушение спокойствия» (Дела III Отделения. С. 299—300). Прошение хода не имело, поскольку в том же 1831 году Молчанов скончался (сообщение о его смерти и месте захоронения в с. Шаблыкино Орловской губернии см. в картотеке Б. Л. Модзалевского).

³⁷ Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 121.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1638. Л. 34—34 об., за подписью уездного судьи Тыркова, с пометой о получении в Москве 24 мая 1827 года. Напечатано (по машинописной копии 1938 года, ЦИАМ): А. С. Пушкин. Московские страницы биографии / Авт.-сост. Е. Г. Болдина, Н. Н. Попова. М., 2004. С. 111—113.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1638. Л. 39.

шил его Правительствующему Сенату. По решению Сената от 25 апреля 1827 года дело было передано в Новгородское губернское правление, а оттуда 13 мая 1827 года — в Новгородский уездный суд. Губернское правление предписало суду расследовать дело о Леопольдове самым подробным и обстоятельным образом.⁴⁰ С показаниями Пушкина произошла небольшая задержка, поскольку его разыскивали в Москве, в то время как он уже находился в Петербурге. Характер вопросов, заданных Пушкину 29 июня 1827 года, определялся докладом генерал-аудиториата, который посчитал необходимым сличить отрывок из судебного дела с публикацией «Андрея Шень». Вопросный лист, предложенный поэту в полиции (а он, по-видимому, был), в печати не известен.

Показания Пушкина от 29 июня 1827 года сыграли роковую роль в его судьбе. Именно эти показания (а не более ранние) цитировались в докладе Правительствующего Сената и документах Государственного совета 1828 года. Среди данных в этот день ответов выделяются два. Так, Пушкин написал в показаниях о своих «Стихотворениях», «вышедших из Цензуры», как он сообщал, 8 октября 1825 года: «Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна как и прочие рукописи мною напечатанных стихотворений».⁴¹ Между тем цензурная рукопись «Стихотворений Александра Пушкина» в 1827 году еще не была безвозвратно, как об этом приходится говорить в настоящий момент, утрачена. В 1837 году этой рукописи действительно не было в архиве поэта. Тем не менее П. В. Анненков видел рукопись и неоднократно ссылался на нее в 1855 году в примечаниях ко второму тому изданных им сочинений Пушкина.⁴² Поэт не представил полиции цензурную рукопись «Стихотворений» 1826 года, по-видимому, потому, что не хотел привлекать внимание властей к людям, которые располагали полным текстом «Андрея Шень» летом—осенью 1825 года.

Последняя фраза в показаниях о будто бы имеющейся связи произведения с декабрьскими событиями была высказана Пушкиным с большим раздражением: «Что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?»⁴³ Это звучало как ответ на вопрос, который, по настоянию Аудиториатского департамента, должен был адресоваться Пушкину примерно в таком виде: «Почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненное?» Слова Пушкина были раздраженно-дерзкими и имели в документах дела об «Андрее Шень» большой резонанс. Первой на них обратила внимание Новгородская палата уголовного суда, ревизовавшая решение Новгородского уездного суда: по отзыву ревизоров, Пушкин «равнодушно отозвался о бунте 14-го декабря, назвав его несчастным, как будто без намерения сделанным, забыв, какое тут тайлось зло».⁴⁴ В письме председателя Государственного совета гр. В. П. Кочубея к главнокомандующему в Петербурге и Кронштадте гр. П. А. Толстому от 13 августа

⁴⁰ См.: Слезкинский А. Г. Указ. соч. С. 318. Местонахождение подлинного дела Новгородского уездного суда о Леопольдове неизвестно. Довольно подробное его изложение дается в статье Слезкинского.

⁴¹ Рукою Пушкина. С. 746—747; впервые напечатано в пересказе М. М. Попова (см. прим. 2).

⁴² См. об этом: Томашевский Б. В. История тетради Всеволожского // Летописи Государственного Литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 34.

⁴³ Рукою Пушкина. С. 747.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1160. Оп. 3. № 92. Л. 46 об.—47 об., по журналу Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета; то же см. в деле Первого отделения Пятого департамента Сената: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25. Л. 107—107 об., за подписью председателя палаты М. А. Глинкина.

1828 года утверждалось, что одной из причин учреждения над поэтом секретного надзора было «неприличное выражение Пушкина в ответах насчет происшествия 14-го декабря 1825 года».⁴⁵ Об этой «неприличной» фразе говорилось также в журналах Департамента духовных и гражданских дел и Общего собрания Государственного совета по делу об «Андрее Шенье» от 11 и 28 июня 1828 года. Дерзким выражение Пушкина делала минимализация угрозы, исходившей от заговорщиков. Об этом событии было принято писать в николаевское время иначе — как, например, в донесении Ф. В. Булгарина от 29 августа 1828 года: «Николай Павлович, неустрашимый среди бунтовщиков, кроткий в домашней жизни, добрый отец, примерный муж и сын, правосудный, откровенный, создан, чтоб исцелить раны России. Излечить ее от смертной болезни: деморализации»; и далее, передавая людскую молву о Николае: «Мы знаем, что Он не трус. Он уже дал тому доводы, и 14 декабря должно было иметь гораздо более смелости, нежели на приступ».⁴⁶

То, что Пушкин не сдержался и позволил себе в официальном документе дерзкую реплику о важном внутривластном событии, может быть объяснено тем, что он недооценил такую инстанцию, как Новгородский уездный суд. Действительно, уездные судьи, разбирая дело о Леопольдове, оставили без внимания эту фразу и приняли уклончивое решение о Пушкине: «По затерянию им рукописи стихов, бывших в рассмотрении цензуры (...) предоставить исследованию и рассмотрению их начальства, где он служит или проживает».⁴⁷ Суд посчитал, что Пушкин не обеспечил ему доказательств того, что стихи «Андрей Шенье» были сочинены и пропущены цензурой ранее декабрьских происшествий. Думать, что уездный суд проявил какую-то снисходительность из уважения к славе поэта, было бы ошибкой. В определении Новгородского уездного суда московскому обер-полицмейстеру Д. И. Шульгину от 17 мая 1827 года содержалась просьба доставить в Новгород «Стихотворения Александра Пушкина», из чего можно сделать вывод, что там этой книги, спустя полтора года после ее выхода в Петербурге, и не видывали.⁴⁸ По делу А. Ф. Леопольдова Новгородский уездный суд вынес решение 29 сентября 1827 года. Суд приговорил его, лишив чина десятого класса и личного дворянства, образованием присвоенного, «заклепать в кандалы и сослать в каторжные работы».⁴⁹

15 октября 1827 года дело Новгородского уездного суда было представлено Николаю I, который выразил желание, дабы оно «окончено было без промедления времени». Из Сената, где об этом 18 октября докладывал министр юстиции кн. Д. И. Лобанов-Ростовский,⁵⁰ в Новгородское губернское

⁴⁵ Дела III Отделения. С. 75; Дейч Г. М. Все ли мы знаем о Пушкине? М., 1989. С. 76.

⁴⁶ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 326.

⁴⁷ Слезский А. Г. Указ. соч. С. 323—324. Местонахождение подлинного дела Новгородской палаты уголовного суда о Леопольдове неизвестно. В статье Слезского оно отражено самым схематичным образом. В деле Первого отделения Пятого департамента Сената дается изложение его решения и указывается, что Пушкин был обвинен в «небрежном враньию сочинения, которое могло бы произвесть вредное влияние на умы, склонные к злоумыслию» (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 25. Л. 23—23 об.). См. также: РГИА. Ф. 1160. Оп. 3. № 92. Л. 84, по журналу Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

⁴⁸ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1638. Л. 34 об. Напечатано (по машинописной копии 1938 года, ЦИАМ): А. С. Пушкин. Московские страницы биографии. С. 112.

⁴⁹ Слезский А. Г. Указ. соч. С. 324.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25 — копия определения Первого департамента Правительствующего Сената Первому отделению Пятого департамента Сената от 18 октября 1827, с пометой о получении копии в Первом отделении Пятого департамента 21 октября; другая помета указывает на слушание документа и запись в журнале Первого отделения Пятого департамента 27 октября.

правление немедленно был послан указ, после чего ревизия дела уездного суда пошла ускоренными темпами. Сообщение министра юстиции в Сенате о высочайшей воле в отношении Леопольдова было сделано еще «до поступления дела сего в Правительствующий Сенат», что подчеркивалось в журнале Государственного совета от 11 июня 1828 года.⁵¹ Это было свидетельством пристального внимания к делу об «Андрее Шенье» со стороны Николая I.

Из всех делопроизводств об «Андрее Шенье», пожалуй, самым логичным было то, которое составила Новгородская палата уголовного суда.⁵² Она занялась исследованием вопроса об авторе и истории «вольнодумственных» стихов. По решению Новгородской уголовной палаты было потребовано от Пушкина новое объяснение. Он дал его в присутствии полицмейстера 2-го петербургского отделения полковника К. Ф. Дершау 24 ноября 1827 года.⁵³ Документ, который цитировал в «объяснении» Пушкин и на который он отвечал, в печати не известен. В одном месте своего «объяснения» поэт, по-видимому, выделил цитату из него — «во всем пространстве», встречающуюся затем во многих сенатских и, пользуясь словечком А. И. Тургенева, «советских» документах и означающую, судя по контексту, произведение «в полном объеме». В объяснении 24 ноября поэту вновь пришлось увести следствие от своих друзей, знавших текст «Андрея Шенье» полностью. В объяснении он утверждал, что «стихотворение Андрей Шенье было всем известно *вполне* гораздо прежде его напечатания». Пытаясь сбить с толку полицию, поэт максимально расширил круг людей, знавших произведение до его опубликования. В противном случае, назови Пушкин хотя бы одного из своих приятелей, тот непременно был бы привлечен к судебному разбирательству. Щеголев, следя за этапами прохождения дела о стихах из «Андрея Шенье», утверждал, что «Пушкина... по мере развития судебных действий притягивали к делу ближе и ближе».⁵⁴ Недоработка суда в отношении тех лиц, которые были знакомы с полным текстом произведения, была особо отмечена в итоговом указе Сената Новгородскому губернскому правлению от 27 августа 1828 года.

Новгородская уголовная палата ревизовала дело о Леопольдове со 2 ноября 1827 года по 6 марта 1828-го. Палата негативно оценила результаты рассмотрения дела в Новгородском уездном суде. О Пушкине в определении уголовной палаты говорилось: «Сочинителя стихотворений 10-го класса Александра Пушкина по непризнанию его и по неимению доказательств, чтобы он участвовал с возмутителями, также оставить свободным: но как сочиненная им Элегия Андрей Шенье признана вредною противу Правительства и коя даже во всей полноте по собственным словам его прежде еще происшествия 14-го декабря 1825 и просмотра оной цензурой всем была известна вполне и без сомнения переходила из рук в руки по разным местам, до когда 8 Октября 1825-го была выпущена из цензуры с исключением некоторых слов, то и тут по рассеянию оной прежде была она уже известна в полном виде, при том он равнодушно отозвался о бунте 14-го декабря назвав его нещастным, как будто без намерения сделанным, забыв, какое тут таилось зло, то заметив все сие ему строжайше подтвердить впредь отнюдь никаких сочинений без просмотра цензуры не распространять, иначе подвергнут бу-

⁵¹ РГИА. Ф. 1160. Оп. 3. № 92. Л. 88.

⁵² Само дело не сохранилось, но о нем можно судить, во-первых, по статье Слезкинского, а во-вторых, по пересказам в делопроизводствах Петербурга (Сенат, Государственный совет).

⁵³ Рукою Пушкина. С. 747—748. Впервые напечатано в пересказе в статье М. М. Попова (см. прим. 2).

⁵⁴ Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 122.

дет всей строгости законов, в чем и обязать его подпискою. (...) Уездному Суду за неаккуратность его в расспросах Леопольдова и за то, что оной не спросил сочинителя Пушкина: почему отрывок Элегии сей Андрей Шенье не будучи пропущен цензурою стал переходить во всей полноте из рук в руки (...) сделать чувствительный выговор и подтвердить впредь быть осмотрительнее и от упущений остерегаться».⁵⁵ Формулировки определения Новгородской уголовной палаты цитировались в документах Сената и Государственного совета, связанных с решениями по делу об «Андрее Шенье». Но, что важнее всего, именно Новгородской палате уголовного суда принадлежала инициатива взять с Пушкина подписку, дабы он впредь не распространял своих произведений, не прошедших цензуру; это решение палаты было с энтузиазмом воспринято и в Сенате и в Государственном совете.

26 марта 1828 года в Сенат поступил доклад новгородского гражданско-го губернатора А. У. Денфера, который был заслушан в Пятом департаменте Сената 5 апреля 1828 года и подписан сенаторами П. А. Баратынским, В. Ф. Мартенсом, Н. П. Дурасовым, гр. Ф. А. Толстым, П. А. Мансуровым и С. С. Уваровым. В записке Денфера сообщалось о результатах ревизии Новгородской уголовной палатой решений уездного суда по делу Леопольдова. Сенаторы поддержали предложение палаты в отношении Пушкина, при этом ужесточили характеристику самого произведения: «Соображая дух сего творения с тем временем, в которое (оно) выпущено в публику, не может не признать сие сочинение соблазнительным и служившим к распространению в неблагонадежных людях того пагубного духа, который Правительство обнаружило во всем его пространстве (т. е. во всем тексте элегии «Андрей Шенье»). — Хотя сочинившего означенные стихи Пушкина за выпуск оных в публику прежде позволения цензуры надлежало бы подвергнуть ответу пред судом, но как сие учинено им до состояния всемилощивейшего манифеста 22 Августа 1826 года, то по силе первого пункта о том,⁵⁶ избавя его, Пушкина, от суда и следствия, обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений, без рассмотрения и пропуска цензуры, не осмеливался выпускать в Публику под опасением строгого по законам взыскания».⁵⁷ В решении Сената, принятом 5 апреля 1828 года, впервые прозвучало утверждение, что за «Андрея Шенье» Пушкина «надлежало бы подвергнуть ответу перед судом», — это же заключение «украсило» и указ Правительствующего Сената по этому делу. Что же касается Леопольдова, то сенаторы поддержали не мнение судебной палаты, одобренное новгородским губернатором, а решение Новгородского уездного суда: оно предписывало его, Леопольдова, отдать в солдаты (ежели здоров) или отправить в каторжные работы. Новгородская же уголовная палата, а вслед за ней и губернатор предлагали нечто более гуманное: «Леопольдов с Майя месяца 1826-го года содержится в остроге, что может и еще продлиться до соверщенного окончания дела, то по уважению сего выдержать и еще в крепости под караулом

⁵⁵ РГИА. Ф. 1160. Оп. 3. № 92. Л. 46 об.—47 об., по журналу Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета; то же см. в деле Первого отделения Пятого департамента Сената: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25. Л. 107—107 об., за подписью председателя палаты М. А. Глинкина.

⁵⁶ В первом пункте указа «О совершении священного коронавания его императорского величества и о дарованных по сему случаю милостях и облегчении разным состояниям» говорилось: «Всех состоящих по сей день под следствием и судом чиновников и всякого звания людей по делам, не заключающим в себе смертоубийства, разбоя, грабежа и лихоимства, всемилощивейше повелеваем: от суда и следствия учинить свободными, распространяя сие и на тех из них, коих вины, исключая вышеозначенных преступлений, не было до сего дня за безгласностью их следствием обнаружены» (Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. второе, т. 1 (12 декабря 1825—1827). С. 891).

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25. Л. 239—239 об.

9-ть месяцев и потом строжайше подтвердить, чтобы впредь о вредных сочинениях, нисколько не медля доносил Правительству».⁵⁸

Итак, две инстанции разошлись в определении наказания главному фигуранту дела. Это и стало причиной нового, неожиданного витка в ходе дела об «Андрее Шенье». Решение Сената поступило на высочайшую конфирмацию в мае 1828 года, и Николай I утвердил его. Сообщение о высочайшей конфирмации слушалось в Первом отделении Пятого департамента 19 июня 1828 года, при этом сенаторы подписали журнал заседания, в котором указывалось, что «дело о Леопольдове Правительствующим Сенатом уже решено».⁵⁹ Кто побудил передать уже решенное дело в Государственный совет, неизвестно. В Государственный совет передавались из Сената дела и мнения спорного характера.⁶⁰ То, что в деле об «Андрее Шенье» проявился спорный элемент, несомненно: уездный суд принимает одно решение, уголовная палата другое, ее поддерживает губернатор, а после этого Сенат отвергает решение губернатора и утверждает приговор уездного суда! Ситуация для Денфера была не очень приятной, и вот тут вдруг решение Сената, уже утвержденное императором, останавливается, и дело снова начинают рассматривать, но на этот раз в еще более высокой инстанции — в Государственном совете. Из-за кого это произошло? Из-за Пушкина? Нет, проблема возникла вокруг фигуры Леопольдова: отдать ли его в солдаты, заковать в кандалы, а затем оставить навечно в Сибири или же — выпустить, еще чуть-чуть подержав в крепости. Видимо, под счастливой звездой родился Леопольдов, если уже утвержденный императором приговор, обрекавший его на каторгу или солдатчину, был остановлен, а дело передано на дальнейшее рассмотрение. Не лишним будет сказать, что к Леопольдову был весьма расположен, оценив его раскаяние, усиленное многократными проклятиями в адрес Пушкина, Бенкендорф, который обещал ему свою поддержку и помощь.⁶¹ Вполне возможно, что именно он и был тем скрытым за документами дела лицом, которое остановило сенатское решение и «вдвинуло» дело в Государственный совет.

Рассмотрение дела в Государственном совете было благоприятным для Леопольдова и неблагоприятным для Пушкина. 6 июня 1828 года доклад Сената по этому делу был передан в Совет. Леопольдову решено было вменить в наказание годичное содержание в остроге, а начальству, в ведомстве которого он окажется, поручалось наблюдение за его поведением.⁶² Решение Совета совпало с решением Новгородской палаты уголовного суда, которое поддержал губернатор. Характерно, что в ходе дела о распространении запрещенных стихов из элегии Пушкина «Андрей Шенье» инстанциями все более и более смещались акценты, что вело к смягчению наказания распространителям запрещенных стихов и ужесточению позиции в отношении автора. Этим выправлялось ненормальное положение дела, когда Алексеев за распространение крамольных стихов приговаривался к смертной казни, в то время как автор даже не привлекался к следствию.

В Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета дело рассматривалось 11 июня 1828 года. Журнал заседания подписан пред-

⁵⁸ РГИА. Ф. 1160. Оп. 3. № 92. Л. 48; ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25. Л. 108.

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25. Л. 248.

⁶⁰ См.: Коркунов Н. М. Российское государственное право. СПб., 1903. Т. 2. С. 60; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России, М., 1968. С. 156.

⁶¹ См.: Демиховская О., Демиховский К. Тайный враг Пушкина (О неизвестном письме А. Ф. Леопольдова шефу жандармов) // Русская литература. 1963. № 3. С. 85—89.

⁶² О Леопольдове, его дальнейшей служебной и литературской судьбе см.: Юдин М. Л. Вивовник «Шеньевской» истории // Исторический вестник. 1905. № 11. С. 574—597; Демиховская О., Демиховский К. Указ. соч. С. 85—89; Русские писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 327—329 (статья А. И. Рейтблата).

седателем департамента Н. С. Мордвиновым, А. Д. Балашевым и А. Н. Олениным.⁶³ Малое количество подписей не должно нас удивлять: департамент был предварительной инстанцией для обсуждения дел в узком кругу специалистов перед внесением их в Общее собрание Государственного совета.⁶⁴ 28 июня 1828 года в Общем собрании был «слушан Журнал Департамента Гражданских и духовных дел по делу о <...> Леопольдове, сужденном за имение у себя возмутительных стихов и учинении на них надписи что они на 14 декабря 1825 года»; Общее собрание признало заключение Департамента правильным, но при этом сделало важное дополнение об учреждении за Пушкиным секретного надзора.⁶⁵ По документам совета обстоятельства учреждения надзора за Пушкиным прослежены в статье П. Е. Щеголева «Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. (Из архивных разысканий)».⁶⁶ Журнал Общего собрания подписали гр. В. Кочубей, кн. А. Куракин, кн. Д. Лобанов-Ростовский, гр. П. Толстой, гр. Г. Строганов, А. Сукин, К. Опперман, кн. А. Голицын, гр. П. Голенищев-Кутузов, гр. А. Чернышов, М. Сперанский, А. Оленин, Ф. Энгель, кн. А. Долгоруков. «Кто из них, — писал Щеголев, — был виновником отягощающей Пушкина прибавки к приговору, трудно сказать»: при этом исследователь отмечал, что все поименованные члены Государственного совета имели отношение или к следствию, или к суду над декабристами.⁶⁷ Решение Совета было представлено государю 25 июля и утверждено 28 июля 1828 года.

13 августа председатель Государственного совета гр. В. П. Кочубей написал в связи с делом Леопольдова два письма: одно — В. Р. Марченко, возглавлявшему канцелярию Государственного совета (Государственная канцелярия), по поводу согласования тех моментов, которые должно было держать «в секрете» и не оглашать в сенатском указе Новгородскому губернскому правлению по делу Леопольдова, а другое — главнокомандующему в Петербурге и Кронштадте гр. П. А. Толстому.

17 августа 1828 года Голенищев-Кутузов рапортовал Толстому о выполнении его приказа. В рапорте упоминается петербургский обер-полицмейстер А. С. Шкурин, которому Голенищев-Кутузов приказал взять с Пушкина подписку не распространять впредь произведений, не одобренных цензурой. Подписка была взята 19 августа 1828 года полицмейстером К. Ф. Дершау. Характерной особенностью «петербургского ответвления» дела об «Андрее Шенье» являлось то, что приказания, которые отдавались генерал-губернатором обер-полицмейстеру Петербурга, перепоручались для выполнения полицмейстеру полковнику К. Ф. Дершау — в отличие от «московского ответвления», где допросами Пушкина занимался лично обер-полицмейстер Москвы Д. И. Шульгин. 18 августа Голенищев-Кутузов предоставил гр. Толстому рапорт о данном им петербургскому обер-полицмейстеру генерал-майору А. С. Шкурину приказании в связи с подпиской Пушкина и учреждением над ним «бдительного надзора». 19 августа 1828 года полковник К. Ф. Дершау посетил Пушкина и взял с него подписку (не сохранилась), о чем Голенищев-Кутузов доложил гр. Толстому 28 августа 1828 года:

⁶³ РГИА. Ф. 1160. Оп. 3. № 92. Л. 72—99. Напечатано: Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 122—123.

⁶⁴ См.: Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 87; Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 153.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1160. Оп. 3. № 92. Л. 98—99; см. также: Ф. 1159. Оп. 1. № 26. Л. 294—325 об.

⁶⁶ См.: Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 122—126. Выписку из журналов Департамента духовных и гражданских дел и Общего собрания Государственного совета по делу об «Андрее Шенье» см.: РГИА. Ф. 1154. Оп. 1. Ч. 1. № 220. Л. 15—18 об.; ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25. Л. 251—255; см. также копию выписки в архиве М. И. Семевского, с его пометами: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 27.

⁶⁷ Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. С. 125.

«...известный стихотворец Пушкин обязан подпискою в том, чтоб он впредь никаких сочинений без рассмотрения и пропуска оных цензурою не выпускал в публику». ⁶⁸

Пораженный этим требованием, Пушкин тут же написал Бенкендорфу письмо, которое, вероятнее всего, не было им отправлено. ⁶⁹ Дершау сообщил также Пушкину о приглашении к Голенищеву-Кутузову для дачи показаний по поводу «Гавриилиады». 20 августа 1828 года в первом отделении Пятого департамента Правительствующего Сената слушался доклад министра юстиции кн. А. А. Долгорукова по делу об «Андрее Шенье»; в части, относящейся к Пушкину, из определения департамента было выпущено принятое Государственным советом решение об учреждении над ним секретного надзора. ⁷⁰ Наконец, 27 августа 1828 года был издан указ Правительствующего Сената новгородскому губернскому правлению, назвавший автора «Андрея Шенье» виновным в «распространении того пагубного духа», который характеризует время его появления — канун выступления 14 декабря. После этого Пушкина долго разыскивали, чтобы ознакомить с содержанием указа. ⁷¹ Когда это произошло, дело об «Андрее Шенье» было закрыто — таков был административно-судебный порядок николаевской России.

⁶⁸ Дела III Отделения. С. 75, 78, 79 и др.; см. также: *Дейч Г. М.* Указ. соч. С. 76.

⁶⁹ Бенкендорф в письме от 3 мая 1827 года напоминал Пушкину о царской аудиенции 8 сентября 1826 года: «Его Величество (...) не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 329). Несколько подробнее об этом моменте аудиенции вспоминал со слов Л. С. Пушкина Н. И. Лорер. Честное слово было дано Пушкиным в ответ на просьбу «ничего не писать против правительства». Следует отметить, что Пушкин действительно после встречи с императором не «выпускал в публику» стихов, которые были бы равны по своему волюнтаристическому пафосу неподцензурным произведениям, созданным им до возвращения из ссылки. В наброске письма Бенкендорфу от второй половины августа (не ранее 19-го) 1828 года Пушкин писал: «Я дал чест(ное) слово Государю, которому изменить я не могу» (Там же. Т. 14. С. 25). Уверения, касающиеся исполнения данного поэтом царю слова, бросают определенный свет на ту часть пушкинской лирики, которая тематически была связана с декабристами. Так, стихи «Во глубине сибирских руд...» (1826—1827), вероятнее всего, не имели той революционной составляющей, которую усмотрел в них А. И. Одоевский, когда писал в ответ стихотворение «Струн вещей пламенные звуки...».

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 16. № 25. Л. 258—266. Напечатано: Дела III Отделения. С. 292—296 (по копии).

⁷¹ См. объявление определения новгородского губернского правления петербургскому губернскому правлению по делу об элгии «Андрей Шенье» от 23 октября 1828 года, что положило начало розыску Пушкина для сообщения ему решения Сената: [*Ефремов П. А.*] Официальное объявление А. С. Пушкину решения по делу об элгии «Андрей Шенье» // Русский архив. 1882. № 2. С. 466; *Ермак Б., Александров В.* Дело «О сыске чиновника 10-го класса Александра Пушкина» // Литературный альманах. Орел, 1939. С. 156—157 (по определению в Орловское губернское правление). Факсимильное воспроизведение: Звезда. 1887. 24 янв. Приложение. Л. 10. Подробнее о документах по делу «Андрея Шенье» см.: А. С. Пушкин: Документы к биографии (1799—1829) / Сост. В. П. Старк; Прим. С. В. Березкиной, В. П. Старка. СПб., 2007.